

СЕРИЯ
СОЦИАЛЬНАЯ
ТЕОРИЯ

Elton Mayo
The Social Problems
of an Industrial
Civilization

Элтон Мэйо
Социальные проблемы
индустриальной
цивилизации

Перевод с английского
Юрия Каптуревского
под научной редакцией
Артема Смирнова

Издательский дом
Высшей школы экономики
Москва, 2025

УДК 316.354
ББК 60.56
М97

<https://elibrary.ru/avrblp>

ПРОЕКТ СЕРИЙНЫХ МОНОГРАФИЙ
ПО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМ
И ГУМАНИТАРНЫМ НАУКАМ

Руководитель проекта АЛЕКСАНДР ПАВЛОВ

Мэйо, Элтон

М97 Социальные проблемы индустриальной цивилизации / пер. с англ. Ю. Каптуревского; под науч. ред. А. Смирнова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2025. — 296 с. — (Социальная теория). — 600 экз. — ISBN 978-5-7598-4198-2 (в пер.). — ISBN 978-5-7598-4402-0 (e-book).

Во время работы над этой книгой Элтон Мэйо занимал должность профессора индустриальных исследований в Гарвардском университете. В книге предлагается интерпретация важнейших проблем нашей эпохи через призму воззрений Мэйо на роль социальных наук в их решении. Автор обобщает опыт, полученный в области индустриальных исследований, и предлагает некоторые предварительные выводы о важной роли социальных отношений в промышленности. Эта работа Мэйо, впервые опубликованная в 1949 г., дает возможность читателю самому ответить на вопрос об актуальности его идей для современных дилемм кооперации и конфликтов.

УДК 316.354
ББК 60.56

Переведено по: Mayo E. The Social Problems of an Industrial Civilization. London: Routledge & Kegan Paul, 1975

Опубликовано Издательским домом Высшей школы экономики
<http://id.hse.ru>

doi:10.17323/978-5-7598-4198-2

ISBN 978-5-7598-4198-2 (в пер.)
ISBN 978-5-7598-4402-0 (e-book)
ISBN 0 7100 7723 8 (англ.)

© Перевод на русский язык.
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Дж.Г. Смит.</i> Актуальность Элтона Мэйо Предисловие к переработанному изданию 1975 г.	6
<i>Уоллес Б. Донэм.</i> Введение	61
Вступление.	67
Часть I. НАУКА И ОБЩЕСТВО	77
Глава 1. Обратная сторона прогресса	79
Глава 2. Гипотеза о толпе и абсолютное государство как следствие из нее	122
Часть II. КЛИНИЧЕСКИЙ ПОДХОД	155
Глава 3. Первый шаг к решению задачи	157
Глава 4. Хоторн и компания <i>Western Electric</i>	170
Глава 5. Абсентеизм и текучесть рабочей силы	197
Глава 6. «Патриотизма недостаточно: не допускайте в свою душу ненависть или горечь».	233
Приложение 1. Политическая проблема (10–11 мая 1947 г.)	249
Приложение 2. История научной деятельности кафедры индустриальных исследований Высшей школы делового администрирования Гарвардского университета в 1926–1945 гг. в изложении профессора Джорджа Ломбарда	276
Библиография	290

АКТУАЛЬНОСТЬ ЭЛТОНА МЭЙО
ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРЕРАБОТАННОМУ ИЗДАНИЮ
1975 г.

Книга Элтона Мэйо «Социальные проблемы индустриальной цивилизации» (*The Social Problems of an Industrial Civilization*) впервые увидела свет незадолго до того, как ученый подал в отставку с должности профессора индустриальных исследований Гарвардской школы бизнеса, которую он занимал на протяжении немногим более двух десятков лет. В то время его научная репутация находилась на пике. В 1946 г. в журнале *Fortune* была опубликована статья, автор которой поставил Мэйо в один ряд с такими социальными мыслителями, как Торстейн Веблен и Джон Дьюи, отмечая, что его научные воззрения представляют собой прямой вызов базовым допущениям практического мира промышленности¹:

Голос Мэйо, как ученого и практикующего клинициста, в равной степени авторитетно звучит и в заводских и фабричных цехах, и в университетских аудиториях. Его эрудиция распространяется на психологию, социологию, физиологию, медицину и экономику, а практический опыт основывается на постоянном непосредственном изучении промышленности. [...] Воззрения Мэйо при посредничестве такой области, как деловое администрирование, оказывают заметное влияние на будущие отношения между американским менеджментом и рабочими. Действительно, согласно широко распространенному мнению, Мэйо держит в своих руках ключ к мирному разрешению трудовых конфликтов.

¹ The Fruitful Errors of Elton Mayo // *Fortune*. 1946. November. Vol. 34. P. 181–183 et seq.

Впрочем, современные ученые придерживаются разных взглядов на научный вклад Мэйо. Более того, набирает силу поток критических замечаний в его адрес². К тому же критики Мэйо ввели его в довольно сомнительную компанию. Кларк Керр, один из авторов журнала *Fortune*, воспринял предложенное Мэйо решение проблем, связанных с трудовыми конфликтами, как слишком узкое и монолитное по своим последствиям, несущее угрозу свободе рабочего-гражданина. Поэтому общество должно установить плюралистические рамки урегулирования конфликтов, что позволило бы ему противостоять «всепоглощающей партии коммунистов и фашистов, всепоглощающей корпорации Элтона Мэйо, всепоглощающему профсоюзу Фрэнка Танненбаума и всепоглощающей церкви Т.С. Эллиота»³.

Со дня смерти Мэйо прошло более четверти века, но и сейчас его имя остается на слуху, а его идеи находятся в центре научных споров. Энергичная критика воззрений ученого свидетельствует об их важности для социологов, изучающих индустриальное поведение. В 1950-х годах «ручей» критики превратился в «реку», уровень воды в которой быстро поднимался. Как заметил ближе к концу десятилетия Генри Ландсбергер, «по-видимому, вот уже несколько лет как “удары по Мэйо” — и по движению за человеческие отношения — стали излюбленной практикой многих социологов и экономистов»⁴.

² Наиболее значительной нам представляется статья Рейнхарда Бендикса и Ллойда Фишера: *Bendix R., Fisher L.H. The Perspectives of Elton Mayo // Review of Economics and Statistics. 1949. Vol. 31. P. 313–321.*

³ *Clark K. Whatever Became of the Independent Spirit? // Fortune. 1953. July. Vol. 48. P. 110–111 et seq.*

⁴ *Landsberger H.A. Hawthorne Revisited. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1958. P. 28–29.*

За прошедшее с тех пор время эти удары наносятся немного реже, но их сила отнюдь не уменьшилась. Само имя Мэйо стало синонимом узкого (и до некоторой степени этически сомнительного) подхода к социальным отношениям в индустрии; более того, в языке социологии понятия «мэйоит» и «мэйоизм» приобрели явно негативную окраску. Недавнее изучение исследовательских потребностей в области индустриальных отношений в Великобритании позволяет сделать однозначный вывод о расхожести отрицательных оценок научного вклада Мэйо и его воззрений.

Начиная с середины 1950-х годов индустриальные социологи и психологи все чаще показывали, что они способны внести значимый вклад в исследования трудовых отношений в промышленности. Движению за «человеческие отношения» удалось привлечь немало последователей из числа британских практиков трудовых отношений. В отличие от них представители академической науки первоначально были настроены весьма скептически. Дело в том, что из подробных разъяснений таких авторов, как Элтон Мэйо, следовало, что человеческие отношения возникают в первую очередь в кооперации основной рабочей группы и менеджмента предприятия; при этом игнорировалась или принижалась значительная часть вопросов, интересных для исследователей, изучавших индустриальные отношения⁵.

Все сказанное выше позволяет предположить, что в наши дни труды Мэйо представляют ограниченный интерес, так как их ценность в рамках парадигмы, основанной на довольно избитой интерпретации социальных потребностей индустриального рабочего, весьма незначительна. С этой

⁵ Bain G.S., Clegg H.A. A Strategy for Industrial Relations Research in Great Britain // *British Journal of Industrial Relations*. 1974. March. Vol. XII. No. 1. P. 99.

точки зрения о Мэйо можно было бы сказать, что критики ученого использовали анализ его недостатков как сильный стимул, направивший их на прояснение своих собственных воззрений относительно надлежащего масштаба индустриальной социологии.

Конечно, прочитав эту книгу, читатель поймет, что Мэйо предлагает ему нечто гораздо большее. В самом деле, посмертным критикам ученого пришлось разъяснять такие положения его трудов, как настороженное отношение к государственной власти, недоверие к политикам, скептицизм по поводу формальных процедур, разрабатывавшихся для решения проблем человеческой кооперации — в 1970-е годы все это воспринимается совсем иначе. Достаточно упомянуть о переменах в восприятии трудов Герберта Спенсера, доводы и концепции которого все еще обогащают социологию наших дней⁶. Данное сравнение может показаться натяжкой — все-таки Мэйо и Спенсер представляют разные классы ученых, за исключением, возможно, такого критерия, как интеллектуальное высокомерие, — но у них имеются интересные общие черты. И того и другого можно рассматривать как типичные порождения своего времени. Благодаря усилиям Спенсера был сформирован основной словарь социологии и социальной антропологии; Мэйо никогда не употреблял термин «индустриальная социология», но в безошибочной и (несмотря на возражения критиков) в неизбежной форме определил основные позиции этой дисциплины. В современных условиях, когда общество всеобщего благосостояния уходит в прошлое, некоторые идеи Мэйо, как и Спенсера, приобретают новое звучание, и многие из тех, кто по идейным соображениям полагал его малозначитель-

⁶ См.: *MacRae D. Introduction // Spencer S. The Man Versus The State / D. MacRae (ed.). Harmondsworth: Penguin Books, 1969. P. 8–12.*

ным автором, неосознанно приходят к тем же воззрениям на методы социологии и их ограничения.

«Социальные проблемы индустриальной цивилизации» — не самая убедительная книга Мэйо. Как представляется, при ее написании автор испытывал немалые сомнения и был не очень доволен окончательным вариантом рукописи. Необходимо принять во внимание, что Мэйо работал над книгой в годы войны, когда ему приходилось заботиться о семье и о себе самом. Это многое говорит нам о Мэйо как о человеке, а также о его научной и исследовательской деятельности. В частности, «Социальные проблемы» позволяют нам узнать, как сам ученый воспринимал интеллектуальный и социальный контекст времени, в котором он составил себе имя и пользовался необычайно сильным влиянием. Наконец, эта книга знакомит нас с формированием системы взглядов Мэйо, без которых развитие социологии, управленческой мысли и образования пошло бы другими путями.

ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МЭЙО

Детство, юность и образование

Мы до сих пор не располагаем заслуживающей доверия биографией Мэйо, но даже беглый очерк его жизни показывает, что деятельность и научные интересы ученого не назовешь ни прочно обоснованными и ровными, ни традиционными⁷. Джордж Элтон Мэйо родился в Аделаиде в декабре 1880 г. Его родители прочно обосновались в Австралии и были хорошо обеспеченными профессионалами. Отец будущего ученого Джордж Гиббс Мэйо служил инженером. В семье было семеро детей (Элтон — второй

⁷ Основную часть приведенных здесь сведений о жизни и деятельности Мэйо я получил благодаря великодушной помощи Патриции Элтон Мэйо и профессора Джорджа Ломбарда.

по старшинству ребенок). Сестра Хелен выучилась на врача и, возможно, следуя ее примеру, на рубеже XIX–XX вв. Элтон уехал в Англию получать медицинское образование.

Нам еще предстоит узнать о подробностях академической карьеры Мэйо в те давние времена. В 1896–1898 гг. юноша учился в Колледже Св. Петра (Аделаида), по окончании которого в 1899 г. он поступил в местный университет. Вслед за тем Мэйо уехал в Британию, где учился в Эдинбургском университете, но оставил его, не закончив курс, поскольку был явно разочарован рутинными требованиями шотландского медицинского образования. Уже во «взрослой» жизни у ученого возник интерес к личным проблемам, с которыми сталкиваются студенты, но в своих трудах он никогда не затрагивал этот период, хотя при обосновании своих доводов часто ссылался на собственный опыт (обычно стараясь сохранять объективность). Следующие два года (1903–1904 гг.) стали временем неустроенности. Сначала молодой человек оказался в Лондоне, где, по его собственным словам, трудился добровольцем в местном Колледже рабочих⁸. Через некоторое время он оказался в Западной Африке, надеясь «поймать за хвост удачу» в золотодобывающей компании *Ashanti Goldfields*, но вскоре вернулся в Лондон, чтобы, как достоверно известно, далее отправиться в Канаду. Однако вместо поездки в еще одну новую для себя страну Мэйо воссоединился со своей семьей в Австралии. До того как он окончательно обоснуется в Северной Америке, должно было пройти 17 лет. Будучи в Аделаиде, Мэйо вернулся в университет и начал изучать психологию у сэра Уильяма Митчелла. По словам одного из студентов, учившегося впоследствии у Мэйо, выбор этого наставника объяснялся тем, что «профессор мог отве-

⁸ Mayo E. *The Psychology of Pierre Janet*. London: Routledge & Kegan Paul, 1951. P. 9–10.

чать на его вопросы»⁹. В 1910 г. Мэйо получил степень бакалавра с отличием по философии и был награжден стипендией Мюррея как лучший в своем классе студент.

Квинслендский университет

Академическая деятельность Мэйо началась в 1911 г., когда ему было поручено чтение лекций по логике, этике и психологии в Квинслендском университете. Молодой преподаватель создал небольшую, но крепкую Школу ментальной и моральной философии, в которой на протяжении первых трех лет он вел занятия по всем предметам, включая экономическую теорию¹⁰.

В университете и за его пределами Мэйо пользовался репутацией блестящего лектора. Он проявлял особый интерес к профсоюзному образованию и резко критиковал нежелание австралийских университетов поддерживать развитие социальных наук¹¹.

В это время огромное влияние на подход Мэйо к психологии оказали научные труды французского ученого Пьера Жане. Идеи последнего в связи с истерией и навязчивыми состояниями стимулировали и направляли преподавательскую деятельность Мэйо и его научные исследования. Воплощением этого интереса на практике стало психотерапевтическое лечение австралийских солдат, получивших контузии на фронтах Первой мировой войны. Практический опыт оказал глубокое продолжительное влияние на подход Мэйо к проблемам человека как личности в индустриальном обществе, а также дал импульс к примерно тридцатилетней активной практике с отдель-

⁹ Kyle W.M. Obituary note in the University of Queensland Gazette. Brisbane, 1949. December. No. 15.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Ibid.; Mayo E. The Australian Political Consciousness // Australia: Economic and Political Studies / M. Atkinson (ed.). Melbourne: Macmillan & Co., 1920. P. 126–144.

ными пациентами. Результаты этой первопроходческой деятельности, по-видимому, подтолкнули развитие клинической психологии в Квинсленде (едва ли в то время в Австралии существовала психиатрия как таковая). Дополнительным стимулом стал полученный университетом грант Британского общества Красного креста, выделенный на финансирование создания научно-исследовательской кафедры по медицинской психологии.

Между тем сам Мэйо был назначен на должность профессора философии. Его внимание привлекают проблемы выполнения в промышленности монотонных и повторяющихся задач. Научные публикации Мэйо того времени свидетельствуют о его близком знакомстве с индустриальными вопросами¹². Как представляется, где-то в начале 1920-х годов он пришел к выводу, что способен внести важный научный вклад в исследование индустриальных проблем, особенно тех, которые связаны с адаптацией обычного человека к работе в промышленности.

Прибытие в США

В это же время у Мэйо возникло настоятельное желание посетить США. Его не удовлетворяли возможности исследовательского и академического развития в Австралии и,

¹² Несмотря на более поздние критические высказывания о том, что Мэйо игнорировал существовавшие в то время индустриальные исследования, особенно те из них, которые были связаны с вопросами профсоюзного движения, ученый был близко знаком с институциями австралийских отношений между менеджментом предприятий и производственными группами. См., в частности, главу из книги под редакцией Мередита Аткинсона (*Mayo E. The Australian Political Consciousness... P. 126–144*). В своей главной работе этого периода «Демократия и свобода» (*Mayo E. Democracy and Freedom. Melbourne: Macmillan, 1919*) автор уделяет пристальное внимание проблеме осуществления политических идеалов в контексте индустриального общества, стремящегося к непрерывным изменениям и адаптации.

получив стипендию Лауры Спелман Рокфеллер, в августе 1922 г. ученый прибыл в Сан-Франциско. Мэйо был воодушевлен оказанным ему приемом, особенно на фоне разочарования в Австралии, так как Квинслендский университет отказался продлить его научную командировку еще на полгода. На Зеленом континенте оставались жена и двое маленьких детей Мэйо. Прежде чем семья воссоединилась в Америке, прошло больше года¹³. К тому времени Мэйо подал в отставку со своего поста в Квинсленде и никогда больше не возвращался в Австралию. Первую в США академическую должность в Уортонской школе финансов и коммерции Пенсильванского университета Мэйо получил благодаря Рокфеллеровской стипендии, а первое американское эмпирическое исследование ученого было связано с установлением причин высокой текучести кадров в прядильном цехе текстильной фабрики, расположенной близ Филадельфии. Впоследствии Мэйо использовал полученные в ходе этого исследования результаты для иллюстрации ограничений традиционных подходов, включая свой собственный, к вопросам поведения рабочих на производстве. Одновременно эти результаты, к удовлетворению ученого, показали, что исследования, основанные на экспериментальных изменениях условий труда, полностью осуществимы и стоят потраченных на них усилий¹⁴.

В это время Мэйо написал ряд статей для широкого круга читателей, и некоторые из них были опубликованы

¹³ Элтон Мэйо женился на Доротее Макконнел в 1913 г. Пара воспитывала двух дочерей — Патрицию (род. в 1915 г.) и Гаэль (род. в 1921 г.).

¹⁴ Первый отчет Мэйо о результатах этого исследования были изложен в его статье «Мечтания и промышленное утомление»: *Mayo E. Reverie and Industrial Fatigue // Personnel Journal. 1924. December. Vol. III. No. 8. P. 273–281. См. также главу 3 этой книги.*

в журнале *Harper's Magazine*¹⁵. Статьи привлекли внимание Уоллеса Донэма, в то время занимавшего пост декана Высшей школы делового администрирования Гарвардского университета, и он пригласил Мэйо занять должность адъюнкт-профессора индустриальных отношений в этом вузе.

Гарвард и Хоторн

Мэйо был принят на работу в Гарвард в 1926 г. и оставался в университете на протяжении двадцати одного года. За это время он превратился в одного из самых известных (и пользовавшихся одной из самых противоречивых репутаций) профессоров. Тем не менее справедливая оценка роли Мэйо в развитии школы бизнеса и ее научно-исследовательской программы остается довольно трудной задачей.

В частности, Мэйо не участвовал ни в разработке планов, ни в руководстве знаменитыми хоторнскими экспериментами, хотя с ними обычно связывается его имя, а описания этих исследований вошли в две самые известные книги ученого¹⁶. В некоторых популярных источниках утверждается, что хоторнские эксперименты основывались на концепции, предложенной Мэйо, и он непосредственно отвечал за их проведение. Но сам ученый никогда не претендовал на что-то большее, чем участие в ассоциировавшейся с его именем «гарвардской исследовательской группе», хотя на протяжении более чем двух десятилетий он был ее самым старшим ведущим сотрудником и самым авторитетным публичным представите-

¹⁵ Например, в сентябре 1925 г. в *Harper's Magazine* появилась статья Мэйо под названием «Скука — это неперемнная черта брака?». Ответ содержался в первом же предложении: «Да, обязательно».

¹⁶ *Mayo E. The Human Problems of an Industrial Civilization. New York: Macmillan, 1933; Mayo E. The Social Problems of an Industrial Civilization. London: Routledge & Kegan Paul, 1949.*

лем¹⁷. В некоторых случаях хоторнские эксперименты (и даже приглашение Мэйо в университет) представляют как прямое следствие создания в Гарварде Лаборатории утомления под руководством Лоуренса Хендерсона. На самом деле и эксперименты, и назначение Мэйо имели место до того, как в 1927 г. эта лаборатория начала работу. Группа ученых, работавших с Мэйо, получила известность как «кафедра индустриальных исследований», пусть она и не пользовалась соответствующим университетским статусом; при этом члены группы вели исследования не только в промышленности, но и в других областях.

Учитывая сохраняющиеся разногласия по вопросам детальной организации исследований и роли, которую сыграл в них Мэйо, желательно было бы установить порядок событий, опираясь на более надежные источники о хоторнских экспериментах. Как известно, производственная площадка завода компании *Western Electric* находилась в Сисеро (пригород на западе Чикаго, близ него рядом с городком Хоторн и был расположен производственный комплекс). На этом крупнейшем производстве компании были заняты 29 тыс. работников. На предприятии выпускались телефоны и специализированное оборудование для компании *American Telephone and Telegraph Inc.* Руководство последней придерживалось передовых кадровых

¹⁷ Официальные оценки см.: *Roethlisberger F., Dickson W.J. Management and the Worker.* Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1939; *Whitehead T.N. The Industrial Worker.* London: Oxford University Press, 1938. Обзор популярных отзывов и критических замечаний в адрес Мэйо см.: *Landsberger H.A. Hawthorne Revisited...*, особенно р. 28–47. Острой критике Мэйо (и прикладной социологии в целом посвящена работа Лорена Баритца, который приводит гораздо больше подробностей, чем это принято в работах такого типа: *Baritz L. The Servants of Power.* Middletown, Conn.: Wesleyan University Press, 1960. В то же время критический труд Баритца никак нельзя назвать объективной оценкой. См. ниже раздел «Замечание о критиках Мэйо».

практик и политики в области социального обеспечения. Неудивительно, что руководство *Western Electric* приветствовало инициативу Национального исследовательского совета США о проведении экспериментов, посвященных изучению влияния интенсивности освещения помещений на показатели производительности отдельных рабочих. В экспериментах, продолжавшихся с 1924 по 1927 г., были получены неоднозначные и противоречивые результаты, разрушившие твердо устоявшиеся представления, согласно которым улучшение освещенности оказывает благоприятное влияние на производительность. Вследствие этого руководство *Western Electric* выступило с предложением о проведении дополнительных хоторнских экспериментов, научным консультантом которых первоначально выступил уже участвовавший в исследованиях на предприятии доктор Клер Томпсон из Массачусетского технологического института¹⁸.

Цель этих экспериментов состояла в установлении всех физиологических и социальных условий, а также индустриальных и инженерных изменений, которые могли иметь отношение к результатам труда рабочих. В апреле 1927 г. в одном из цехов завода было открыто специальное испытательное помещение по сборке реле. Зимой того же года Мэйо познакомился с текущими результатами исследований, а в апреле 1928 г. он согласился с предложением руководства *Western Electric* «принять участие в наблюдениях в помещении для тестирования и высказать

¹⁸ Мэйо писал: «Особо следует упомянуть должностных лиц компании *Western Electric*; их разумный подход и проницательность сыграли важную роль при разработке и адаптации эксперимента, а мужество и настойчивость позволили довести исследование до конца». *Mayo E. Foreword // Whitehead T.N. The Industrial Worker. London: Oxford University Press, 1938. P. VIII.* Дополнительную информацию о предыстории экспериментов, начавшихся в апреле 1927 г., см.: *Baritz L. The Servants of Power... P. 78–83.*

свои пожелания»¹⁹. Таким образом Мэйо не участвовал в разработке программы первого из экспериментов. Однако ученый установил и поддерживал тесные отношения с руководителями *Western Electric* и последующие масштаб и продолжительность программы, по-видимому, зависели от Мэйо, который стал важным связующим звеном между группой исследователей и компанией²⁰.

Мэйо способствовал и расширению перспектив исследований; ему удалось привлечь в Хоторн несколько известных ученых, таких как социальный антрополог Уильям Ллойд Уорнер, по инициативе которого было проведено исследование в помещении для аппаратной разводки (одно из классических исследований в малых группах, которое до сих пор является исходным пунктом изучения ограничительных практик на производстве)²¹.

¹⁹ Baritz L. *The Servants of Power...* P. 90. Не в том дело, что, как предполагает Л. Баритц, у Мэйо был единственный контакт с высшим менеджментом *Western Electric*. Он определенно поддерживал связь с директором хоторнского завода Джорджем Пенноком, присутствовавшим на выступлении ученого на заседании совета Национальной промышленной конференции и рассказавшим ему об исследованиях, которые проводились на предприятии.

²⁰ «Как вспоминал один из его ближайших коллег, вместо того чтобы вместе с руководителями из Хоторна отправиться на обед в загородном клубе компании, Мэйо пригласил их на тарелку лукового супа в одну из закусовых на Сисеро-авеню. [...] Отношения между ученым, его гарвардскими коллегами и руководителями *Western Electric* начались на хорошей ноте и, по-видимому, оставались на высоте и в дальнейшем» (*Baritz L. The Servants of Power...* P. 91).

²¹ См.: *Roethlisberger F., Dickson W.J. Management and the Worker...* P. 377–568; *Landsberger H.A. Hawthorne Revisited...*; *Roy D.F. Efficiency and the Fix // American Journal of Sociology. 1954. Vol. 60. No. 3. P. 255–266*; *Lupton T. On the Shop Floor. Oxford: Pergamon, 1963*; *Carey A. The Hawthorne Studies: A Radical Criticism // American Sociological Review. 1967. Vol. 32. No. 3. P. 403–416*; *Sykes A.J.M. Economic Interest and the Hawthorne Researches // Human Relations. 1965. August. Vol. 18. No. 3. P. 253–265*. О вкладе Ллойда Уорнера в исслед-

Особый интерес вызвала у Мэйо программа интервью с рабочими, составители которой намеревались пролить свет на изменения установок участников эксперимента и влияние этих установок на объем выпуска продукции. Ученые проанализировали более 86 тыс. комментариев по 80 темам, полученных примерно в 10 тыс. интервью. Эта программа, начавшаяся в 1929 г. и продолжавшаяся 2 года, стала непосредственным выражением стремления Мэйо к развитию «клинической социологии» (термин, предложенный ученым) и «социальных навыков».

Мэйо поддерживал связи с Хоторном и компанией *Western Electric* на протяжении всего времени пребывания в Гарварде, но эти эксперименты отнюдь не были основной сферой его научных интересов и академической деятельности. Чтобы оценить широту интересов и степень влияния Мэйо, необходимо принять во внимание его тесные отношения с Л. Хендерсоном.

Хендерсон и Лаборатория утомления

Лоуренс Джозеф Хендерсон (1878–1942) был всемирно известным биохимиком и среди прочего автором фундаментального научного труда по физиологии крови. Практически вся его академическая жизнь прошла в Гарварде, где ученый был весьма влиятельной фигурой. Хендерсон был близким другом президента университета Лоуренса Лоуэлла и декана Школы бизнеса Уоллеса Донэма. Хендерсон и Мэйо сразу понравились друг другу. Это были люди примерно одного возраста с близкими по духу интересами, схожим мировоззрением, предлагавшие коллегам и студентам одни и те же стимулы²².

дования в целом см.: *Roethlisberger F., Dickson W.J. Management and the Worker...* P. 389.

²² *Horvath S.M., Horvath E.C. The Harvard Fatigue Laboratory: Its History and Contributions.* New Jersey: Prentice-Hall, 1973. P. 18–24. Mate-

Мэйо оказался в Гарварде как раз в то время, когда по инициативе декана Донэма начались реорганизация и расширение университетской Школы бизнеса. Лаборатория утомления (*Fatigue Laboratory*), которую возглавил Хендерсон, была учреждена в 1927 г. с одобрения Донэма. Программа «Исследования опасных индустриальных факторов» лаборатории осуществлялась при финансовой поддержке Фонда Рокфеллера²³.

Первоначально деятельность лаборатории была сосредоточена на изучении нормальной человеческой физиологии. Хендерсон и Мэйо считали необходимым расширить это понятие, включив в него факторы внешней среды, воздействующие на приспособление отдельного человека к умственному и физическому стрессу. Как отмечалось в годовом отчете Фонда Рокфеллера за 1930 г., начиная с 1925 г. Хендерсон и Мэйо изучали «психологические факторы, которые контролируют человеческое поведение (с целью формирования основы для понимания проблем) в администрировании хозяйственной деятельностью, в особенности в области труда рабочих»²⁴.

В наши дни едва ли возможно точно реконструировать организацию деятельности лаборатории, включая соответствующие обязанности Хендерсона и Мэйо. Рокфеллеровский грант получали и использовали для финансирования своей деятельности две разные организационные единицы. Одна из них — Лаборатория утомления под руководством Хендерсона; вторая — группа ученых во главе с Мэйо (так называемая кафедра индустриальных исследований). В приложении к «Социальным проблемам ин-

риалы этого исследования позволяют лучше понять особенности рассматриваемого нами периода.

²³ Horvath S.M., Horvath E.C. The Harvard Fatigue Laboratory... P. 21.

²⁴ The Rockefeller Foundation Annual Report. New York, 1930. P. 617. Цит. по: Horvath S.M., Horvath E.C. The Harvard Fatigue Laboratory... P. 21.

дустриальной цивилизации» профессор Джордж Ломбард (один из коллег, присоединившихся к Мэйю уже после хоторнских экспериментов) перечисляет исследования, проводившиеся при содействии ученого²⁵. В этот обширный список вошли такие хорошо известные и обязательные к упоминанию в социологии исследования, как «Общество на углу улицы» (под руководством Уильяма Фута Уайта), «Семья и община в Ирландии» (Конрад Аренсберг и Солон Кимбэлл) и «Глубокий Юг» (Эллисон Дэвис).

Денежные средства, использовавшиеся для проведения этих исследований, поступали из разных источников, но все они стали возможными только благодаря Фонду Рокфеллера²⁶.

Неформальный характер договоренности о финансировании и руководстве Лабораторией утомления указывает на хорошее взаимопонимание Хендерсона и Мэйю. Очевидно, что последний немало выиграл от того, что его сразу же принял один из самых влиятельных профессоров университета²⁷. Взаимопонимание с Хендерсоном оз-

²⁵ См. Приложение 2.

²⁶ По оценке Элизабет и Стивена Хорват, в 1927–1942 гг. Лаборатория утомления получила от Фонда Рокфеллера в общей сложности около 645 000 долларов. Подробные отчеты об использовании средств отсутствуют, но, как считают авторы, «в действительности они остались неиспользованными Мэйю и Хендерсоном». По их просьбе профессор Дж. Ломбард попытался реконструировать бюджет Лаборатории утомления. По его мнению, иногда Мэйю и Хендерсон подавали совместные, а в некоторых случаях индивидуальные заявки на получение грантов. Он характеризует Мэйю и Хендерсона как «экономных исследователей. Нередко в конце периода действия гранта у кого-то из них оставались неизрасходованные средства. В этих случаях они требовали, чтобы остатки были возвращены Фонду». *Horvath S.M., Horvath E.C. The Harvard Fatigue Laboratory... P. 21–23.*

²⁷ Интересные описания научной карьеры Л. Хендерсона как социолога см.: L.J. Henderson on the Social System / B. Barber (ed.). Chicago; London: University of Chicago Press, 1970; *Russett C.E. The Con-*

начало явные преимущества для новичка, прокладывавшего собственный путь в Гарварде в период между двумя мировыми войнами. В то же время Мэйо столкнулся с неизбежными рисками, что отчасти объясняет последующее враждебное (в разной степени) отношение к нему окружающих.

Хендерсон был человеком твердых мнений, не оставлявшим сомнений в своих взглядах на социальные и научные вопросы. Частый гость Гарварда в то время, самый влиятельный автор работ по менеджменту Честер Барнард (1886–1961), отзывался о Хендерсоне как о «довольно высокомерном в интеллектуальном отношении. [...] Он не терпел глупцов, но пользовался большим уважением у ученых»²⁸. Хендерсон был вдохновителем и инициатором учреждения в Гарварде Общества стипендиатов — элитарной университетской институции, созданной для поощрения «исключительно талантливых и независимых» молодых исследователей «во всех сферах науки и образования»²⁹.

Вместе с Мэйо довелось работать трем молодым ученым-стипендиатам — Джорджу Хомансу, Уильяму Уайту и Конраду Аренсбергу. Первый из них не раз говорил, что находится в интеллектуальном долгу и перед Мэйо, и перед Хендерсоном. Вот как Хоманс живо описывал яркую индивидуальность Хендерсона: «Это был человек с рыжей бородой, придерживавшийся крайне консервативной политики. [...] Его метод ведения дискуссии в чем-то напоминал работу свайного молота»³⁰. Мэйо пользовался репу-

cept of Equilibrium in American Social Thought. New Haven; London: Yale University Press, 1966.

²⁸ *Wolf W.B.* Conversations with Chester I. Barnard. Ithaca, New York: Cornell University Press, 1973. P. 2.

²⁹ L.J. Henderson on the Social System... P. 7.

³⁰ *The Society of Fellows / C. Brinton (ed.)*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1959. P. 3.

тацией «значительно более скромного человека, чем Хендерсон»³¹.

В 1930-е годы Хендерсон восторженно воспринял идеи итальянского социолога Вильфредо Парето (1848–1923), сравнивая его с Галилео Галилеем и Никколо Макиавелли, и использовал все свои таланты для пропаганды идей ученого. Особенно привлекло Хендерсона включение в социологию концепции системы, а также связанные с ней возможности использования идеи равновесия³². Научная деятельность Хендерсона в физиологии и биологии происходила на фоне новых идей о системе и равновесии, способствовавших применению в изучении живых существ аналитических методов физической химии. Важным вкладом в развитие этого направления стало изучение Хендерсоном кислотно-щелочного равновесия в крови, а кульминацией этих научных изысканий стала теория гомеостаза или равновесия в организме его гарвардского друга Уильяма Кеннона.

Хендерсон рассматривал идеи Парето как средство, необходимое для того, чтобы поместить социологию в континуум естественных наук. При этом он был противником рабского распространения последних на социальные науки, к чему Хендерсон и Мэйо относились крайне отрицательно. Теорию социальной системы Парето следовало рассматривать в большей степени как «применение логического метода, доказавшего свою полезность во

³¹ *Horvath S.M., Horvath E.C. The Harvard Fatigue Laboratory... P. 19.*

³² Это утверждение основывается прежде всего на содержании работы под редакцией Б. Барбера и книги Синтии Рассет: *L.J. Henderson on the Social System...; Russett C.E. The Concept of Equilibrium...* См. также: *Henderson L.J. Pareto's General Sociology: A Physiologist's Interpretation. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1935; Hottel G.C., Curtis C.P.Jr. An Introduction to Pareto, His Sociology. New York: Alfred A. Knopf, 1934; Арон П. Этапы развития социологической мысли / общ. ред. и предисл. П.С. Гуревича. М.: Издательская группа «Прогресс» — «Политика», 1992.*

всех физических науках, для описания сложных ситуаций с участием множества взаимозависимых переменных»³³.

Парето обратился к социологии после того, как добился выдающихся научных успехов в экономике, поскольку пришел к выводу, что границы этой дисциплины нуждаются в пересмотре на более узкой основе. В то время господствовало мнение, согласно которому научная экономика должна была сосредоточиться на изучении логичных действий в обществе, например, на соответствии отношений между целями и средствами в реальной жизни отношениям с точки зрения отдельного актора, и где действие определяется предшествующим ему рассуждением. В противоположность этому «логичному действию» Парето заметил, что в реальной жизни действия людей чаще могут быть классифицированы как «нелогичные» или нерациональные. Эта сторона человеческого поведения должна была стать предметом изучения научно обоснованных социологии и психологии, которые дополняли бы области, которые охватывала бы должным образом разграниченная экономика.

Хендерсон всецело поддержал предложенное Парето различие между логичным и нелогичным образом действий, тем более что он долгое время оставался противником позитивизма и чрезмерной рациональности в науке в целом. Важное место, которое Парето отводил ценностям и эмоциям в социальном поведении, прекрасно согласовывалось с воззрениями Хендерсона того времени. Особенно вдохновляла его концепция «остатков» Парето (понятие, использовавшееся для обозначения проявлений основных влечений и чувств, из которых возникает человеческая мотивация). По словам Хендерсона, они «имеют первостепенное значение в социальной системе

³³ *Henderson L.J. Pareto's Science of Society // L.J. Henderson on the Social System... P. 184.*

[...] и независимость остатков от логики никоим образом не уменьшает, но увеличивает их значение»³⁴.

На протяжении 1930-х годов Хендерсон продвигал и задиристо отстаивал эти идеи³⁵. Его концептуальный подход способствовало тому, что схема Парето стала более ясной и четкой, а идеи самого Хендерсона оказали значительное влияние на других социологов Гарварда³⁶. Силу этого влияния признавали не только Честер Барнард, но и Толкотт Парсонс и Джордж Хоманс, историки Бернарде Вото и Крейн Бринтон, поэт Конрад Эйкен, антропологи Эллиот Чаппл и Конрад Аренсберг. В дальнейшем двое последних сыграли важную роль в возрождении теорий социального интеракционизма³⁷.

³⁴ L.J. Henderson on the Social System... P. 98.

³⁵ Согласно комментариям Честера Барнарда, «[Хендерсон] мгновенно попал под очарование, поскольку Парето широко использовал физику, химию и т.д. [...] Вот что взволновало Хендерсона. Позже он начал участвовать в дискуссиях по этим вопросам. [...] Он попал в такую полемическую позицию, когда ему приходилось противостоять со всеми от имени Парето». *Wolf W.B. Conversations...* P. 17–18.

³⁶ *Russett C.E. The Concept of Equilibrium...* P. 118, 141–142.

³⁷ *Ibid.* P. 138–152. Утверждение о том, что этот методологический импульс исходил от Хендерсона, вызывает обоснованные сомнения. По словам Уайта, «Общество перекрестка» которого является ярким примером интеракционистского подхода, самое сильное влияние оказали на него Чаппл и Аренсберг. По-видимому, интеллектуальное влияние Хендерсона было наиболее сильным в аспекте принятия социальной системы как ценностных принципов, дополненных теорией равновесия в применении к отношениям отдельных членов. Ср.: L.J. Henderson on the Social System... P. 50. См. также: *Common Frontiers of the Social Sciences / M. Komarovsky (ed.)*. Chicago: Free Press, 1957. P. 310–337. Впоследствии Чаппл, Аренсберг и Уайт принимали участие в различных индустриальных исследованиях; достаточно упомянуть обширное исследование Аренсберга (совместно с Дугласом Макгрегором) с применением интеракционистских методов. Отметим, что если в середине 1930-х годов Хоманс добросовестно воспроизво-

На протяжении большей части времени, проведенного Мэйо в Гарварде, идеи Хендерсона и его участие в различных исследованиях играли важнейшую роль в состоянии социальных наук в университете. По-видимому, ученый оказывал сильное влияние и на тех, кто следовал за ним, и на тех, кто шел своей научной дорогой. В процессе этого интеллектуального «брожения» решающую роль в изменении характера социологии в США сыграла деятельность Парсонса³⁸. В наши дни ясно, что данный сдвиг имел политическое и академическое измерение.

Его источниками был энтузиазм, с которым Хендерсон принял идеи Парето, а также чрезмерный скептицизм ученого в отношении «интеллектуалов» и политиков. Некоторые из участников его семинара, посвященного идеям Парето, признавали, что интерес к итальянскому экономисту и социологу полностью находился в русле политического консерватизма и антимарксистской позиции Хендерсона. Крейн Бринтон писал: «В 1930-е годы в Гарварде определенно существовал поддерживавшийся Хендерсоном “культ Парето”, как его называли коммунисты, сочувствующие им и даже умеренные либералы университета»³⁹.

дил формулировку Парето-Хендерсона, то в дальнейшем он освободился от нее, опираясь на «социально-системный» подход. *Hotans G.C. The Human Group*. London: Routledge & Kegan Paul, 1950; *Hotans G.C. Sentiments and Activities*. London: Routledge & Kegan Paul, 1961. P. 1–49.

³⁸ Рассуждая о гарвардском «парсонизме», Алвин Гоулднер пишет: «Учение Парсонса появилось не только в особое время, но также и в особом месте, в Гарвардском университете. Его появление ознаменовало пространственное и культурное смещение центра тяжести академической социологии в Соединенных Штатах». *Гоулднер А.У. Наступающий кризис западной социологии* / пер. с англ. М.Г. Ермакова, В.В. Кузнецова, А.С. Фомина. СПб.: Наука, 2003. С. 180.

³⁹ Там же. С. 185. Более подробно о гарвардском кружке см.: *Heyl B. The Harvard “Pareto Circle”* // *Journal of the History of Behavioural Sciences*. 1968. October. Vol IV. No. 4. P. 316–334.

В то же время Парето пользовался широкой известностью как «Маркс для буржуазии», пока, добавляет Алвин Гоулднер, «его, наконец, не окрестили несколько менее пышно — просто фашистом»⁴⁰. Хендерсон был прекрасно осведомлен об этом отношении к «кружку Парето» и в 1935 г. прокомментировал его с присущей ученому язвительностью: «Надеюсь, теперь понятно, что преобладающие описания Парето как Карла Маркса для буржуазии или фашизма — это не более чем производные»⁴¹.

Трудно сказать, в какой степени Мэйо разделял страстное отношение Хендерсона к теориям Парето. Он был участником семинара, но, по словам Хоманса, «никогда не принадлежал к числу истинных паретианцев»⁴². В «Человеческих проблемах» упоминается круговорот элит и вкратце обсуждается «нелогичное социальное действие», но в последнем случае Мэйо ссылается на авторитетных социальных антропологов (в том числе на Бронислава Малиновского, дружба с которым восходит к австралийским полевым исследованиям Мэйо, в которых ученые участвовали перед Первой мировой войной)⁴³. Интеллектуальные

⁴⁰ Начиная со времени подъема фашизма в Европе и до окончания Второй мировой войны слова поддержки, высказывавшиеся Парето в конце его жизни в адрес Муссолини, отбрасывали заметную тень на его репутацию у многих социологов. Подробно об этом см. у Раймона Арона, более благосклонного к Парето: Арон Р. Этапы развития социологической мысли... С. 463–472.

⁴¹ L.J. Henderson on the Social System... P. 189. Впервые эссе Хендерсона «Наука об обществе Парето» было напечатано в еженедельнике *Saturday Review of Literature* в мае 1935 г. В терминологии Парето под «производными» понимаются формы мышления, в которые облекается нелогичное поведение.

⁴² Heyl B. The Harvard "Pareto Circle"... P. 322.

⁴³ Mayo E. Human Problems... P. 166–170. В комментариях по поводу Парето автор игнорирует то важное значение, которое придавалось в его трудах процессу «круговорота», и сосредоточивает основное внимание на волновавшей самого Мэйо проблеме «качества», то есть на профессиональной подготовке администраторов, наде-

контакты Мэйо были гораздо шире, чем это можно предположить из нашего рассказа о его тесных отношениях с Хендерсоном. Не менее важной составляющей оценки идей Мэйо и их развития являются его совместные исследования с Ротлисбергером, Хомансом и Уайтом или коллегами-клиницистами в психиатрии. Очевидно, что любая более поздняя критика работ Мэйо обязана надлежащим образом учитывать силу и характер чувств, направленных против Хендерсона и тех, кто был с ним связан.

«Группа Мэйо»

К тому времени Мэйо был признанным коллегами и студентами сотрудником Гарвардской школы бизнеса, пользовавшейся все более высокой репутацией в различных кругах американского и европейского общества. Он разделял любовь Хендерсона к Франции, но чаще всего пунктом назначения зарубежных поездок Мэйо была Англия, где учились в школе его дочери. Мэйо часто выступал на летних конференциях в Великобритании, в первую очередь на тех из них, которые проводились под эгидой Общества индустриального благосостояния и Национального института индустриальной психологии. Научные интересы ученого были все также сосредоточены на отдельном рабочем человеке и факторах, определяющих его ответ на требования промышленного производства. Однако результаты хоторнских экспериментов поставили новые вопросы относительно социальных требований к коллективному труду, роли надзора и технологического давления как на структуру общества, так и на заводской и цеховые уровни.

ленных исключительными способностями. В этой книге он ссылается на таких антропологов, как Бронислав Малиновский, Альфред Радклифф-Браун, и своего коллегу Уильяма Ллойда Уорнера (р. 172).

Признаки развития научных интересов мы видим в работе Мэйо «Человеческие проблемы индустриальной цивилизации», опубликованной в 1933 г. Она написана с точки зрения исследователя, в центре внимания которого находилось применение концепции равновесия к поведению отдельного человека в процессе труда. Мэйо рассматривал условие гомеостаза по Кеннону как «рамки, в которых могут быть сделаны более значимыми такие явления, как “утомление” или “монотонность”». В то же время объяснение «индуцированного неравновесия рабочего» должно было продвигаться в нескольких измерениях — психологическом, социологическом и физиологическом⁴⁴. Теперь внимание ученого в большей степени занимали социологические опросы. Действительно, это Мэйо первым предложил идею исследований «Янки-сити» (Ньюберипорт, штат Массачусетс), главной темой которых было влияние технологических изменений на структуру общины, проводившихся Ллойдом Уорнером и его коллегами⁴⁵. Что касается влияния Мэйо в это время, оно было связано, по-видимому, с его личными контактами с широким кругом исследователей (как с коллегами, так и со студентами). Он по-прежнему интересовался клинической психологией и психиатрией, и его мастерство как практикующего врача получило признание в университете и за его пределами. Мэйо внимательно относился к проблемам студентов, личные трудности которых мешали учебе; он также много работал в психиатрических клиниках местных больниц. Наконец, ученый взял на себя руководство разработкой и внедрением программы «консультирования

⁴⁴ Mayo E. Human Problems... P. 27–52.

⁴⁵ Впервые материалы этих исследований были опубликованы: Warner W.L., Lunt P.S. The Social Life of a Modern Community. Yale University Press, 1941.

персонала» в компании *Western Electric*, вызвавшей немалые споры⁴⁶.

Именно в это время наиболее полное выражение нашли такие качества Мэйо, как способность быть лидером и интеллектуально стимулировать окружающих. Об этом свидетельствуют многие из тех, кто в то время работал с Мэйо, включая Фрица Ротлисбергера, Томаса Норта Уайтхеда (подготовивших исчерпывающий отчет о хоторнских исследованиях), Джорджа Хоманса, Ллойда Уорнера и Уильяма Фута Уайта. Впоследствии Ротлисбергер писал:

Мэйо [...] был наделен богатым воображением, умел стимулировать мыслительный процесс и активно пропагандировал клинические исследования. [...] Основным результатом его усилий были люди, на которых он оказывал влияние и побуждал к развитию. [...] Его сила и слабость была в том, что Мэйо никогда не делал различий между людьми, с которыми он общался, с точки зрения их профессионального, академического, дисциплинарного статуса или социального происхождения. Его интересовали любознательные люди, независимо от их биографических данных, способные воспринимать чужие идеи и предлагать свои, а также работать с теми и другими⁴⁷.

⁴⁶ О противоречиях этой программы см.: *Landsberger H.A. Hawthorne Revisited...*; *Baritz L. The Servants of Power...*; *Bendix R., Fisher L.H. The Perspectives of Elton Mayo...* См. также: *Wilensky J.L., Wilensky H.L. Personnel Counselling: The Hawthorne Case // American Journal of Sociology. 1952. Vol. 58. P. 265–280.* Итоговую оценку программе дали авторы книги *Management and the Worker* («Менеджмент и рабочий») Ф. Ротлисбергер и У. Диксон. См. также: *Dickson W.J., Roethlisberger F.J. Counselling in an Organisation: A Sequel to the Hawthorne Researches. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1966.*

⁴⁷ *Roethlisberger F.J. Introduction / Mayo E. The Human Problems of an Industrial Civilization. New York: The Viking Press, 1960.*

Как вспоминает Ротлибергер, Мэйо был наделен «беспокойным, любознательным, созидательным умом». В конце 1930-х годов ученый, по всей видимости, подумывал о переезде из Гарварда предпочтительно в Англию. Он мог бы заниматься наукой, например, в Национальном институте индустриальной психологии, хотя известно о сомнениях Мэйо, поскольку в данном учреждении был принят традиционный подход. Но начавшаяся мировая война вынудила его оставаться в Гарварде, где в 1947 г. он и вышел в отставку.

Война и движение человеческих отношений

Военные годы были для Мэйо временем активной деятельности, сопровождавшейся тревогой и стрессом. К проблемам с собственным здоровьем добавилось беспокойство о родных. Одна из его дочерей всю войну оставалась в Англии, а другая в 1940 г. оказалась во Франции, откуда ей в конце концов удалось перебраться в Америку. Чем ближе было окончание войны, тем меньше времени оставалось до выхода Мэйо в отставку, а он все еще не знал, чем будет заниматься, оставив Гарвард.

В главе 5 этой книги представлено краткое описание основной эмпирической работы Мэйо, занимавшей его мысли во время Второй мировой войны. В ее основу легли материалы двух главных исследований: одно из них было посвящено изучению возможностей быстрого увеличения выпуска на малых металлургических заводах в интересах армии, а второе проводилось в 1943–1944 гг. на авиационных заводах Северной Калифорнии, где производство увеличивалось невиданными ранее темпами. В обоих случаях непосредственным стимулом к исследованиям была озабоченность официальных лиц проблемами прогулов и текучести кадров; чиновники были твердо уверены в необходимости установления их «причин». Эти исследования еще раз подтвердили точку зрения Мэйо, в соответствии с

которой существенно важным условием правильного понимания поведения рабочих является исследование на месте и получение информации из первых рук; кроме того, он пришел к выводу о том, что ключевое значение для понимания человеческой ситуации в отраслях имело раскрытие условий для эффективной «командной работы».

Многие коллеги были призваны на военную службу, вследствие чего круг собственных преподавательских и административных обязанностей Мэйо значительно расширился. В то же время неотложные нужды войны вызывали активный интерес министерств и ведомств, высшего руководства компаний и профсоюзных лидеров к некоторым идеям, обычно отождествлявшимся с именем Мэйо. Самую быструю отдачу в этом отношении принесло ускорение планов по подготовке мастеров и бригадиров на производстве в рамках программы «Схема отраслевой подготовки». Последняя включала ознакомление участников с элементарными навыками организации труда, методами обучения, профессиональной подготовки, техники безопасности и важностью «человеческих отношений» на производстве. Эта программа получила широкое распространение в США, а в конце войны Министерство труда выделило средства на ее внедрение в Великобритании. Для многих менеджеров и мастеров на производстве участие в программе стало первым опытом обучения взрослых людей⁴⁸.

Непосредственно связанная с именем Мэйо Школа человеческих отношений была создана на основе результатов исследований военного времени и опыта его научной

⁴⁸ Впервые анализ роли мастера (бригадира) в производственном процессе был проведен Фрицем Ротлисбергером, коллегой Мэйо: *Roethlisberger F.J. The Foreman: Master and Victim of Double Talk // Harvard Business Review. 1945. Vol. 23. P. 283–298.* См. также: *Thurley K.E., Wirthenius H. Supervision: A Reappraisal.* London: Heinemann, 1973.

деятельности. Однако практическое ее значение оказалось менее важным, чем та роль, которую сыграла школа с точки зрения определения места Мэйо в ряду социологов.

Школа человеческих отношений была междисциплинарной по своему происхождению и обычно описывается как междисциплинарная и по своему подходу. Однако если исходить из того, что в ее основе лежит пристальное внимание к динамике группового поведения, было бы правильно отнести эту школу к социально-психологическому направлению.

Основные интересы сторонников школы в индустриальной среде могут быть вкратце представлены как (а) отношения между производительностью и «моралью», (б) характер кооперации внутри производственных групп и между этими группами и мастерами (особенно последствия их участия в принятии решений) и (в) значение лидерства, особенно его «стилей» и процедур отбора и оценки лидеров. Под индустриальной средой для этих целей обычно понимаются «завод», «предприятие» или «организация».

Интеллектуальной основой движения за человеческие отношения, пик влияния которого пришелся на 1950-е годы, стали деятельность группы Мэйо, а также результаты исследований, проводившихся на основе классических экспериментов военного времени Курта Левина, в которых изучались типы лидерства в клубах для мальчиков. В первое послевоенное десятилетие в Чикаго (в частности, в Центре изучения опросов в Мичигане) были проведены многочисленные исследования, непосредственно связанные с разработкой более точных показателей морального состояния и результатов труда (на уровне менеджмента и линейных мастеров, а также на уровне цехов или служб)⁴⁹.

⁴⁹ Общие сведения об этих исследованиях см.: *Bass B. Leadership, Psychology and Organisational Behaviour*. New York: Harper, 1960;

В отставке в Англии

Сам Мэйо держался в стороне от этих событий. В 1946 г. в Америке вышла в свет его книга «Социальные проблемы». Ученый размышлял над завершением трилогии еще одной книгой под названием «Политические проблемы индустриальной цивилизации». В мае 1947 г. незадолго до выхода в отставку он прочитал в Гарварде две лекции, впоследствии опубликованные Школой бизнеса под этим названием (см. Приложение 1).

Это была последняя из прижизненных публикаций Мэйо на рассматриваемую нами тему. Однако перед выходом в отставку он закончил книгу, в основу которой легли заметки о психологии его давнего друга Пьера Жане. Последний пережил войну, но умер, когда ему было далеко за 80 лет, незадолго до возвращения Мэйо в Европу.

Летом 1947 г. Мэйо в последний раз выехал из Гарварда и отправился в Англию. Вместе с женой они поселились в квартире, которая находилась в принадлежавшем Национальному фонду поместье Полсдон Лейси в графстве Суррей, известном своими садами и видами на ближайшие холмы.

Мэйо не избегал разговоров о различных проектах, но не хотел брать на себя обязательств о дальнейшей работе⁵⁰. Здоровье ученого ухудшалось, и 1 сентября 1949 г. в

Likert R. New Patterns of Management. New York: McGraw-Hill, 1961; *Viteles M.* Motivation and Morale in Industry. London: Staples Press, 1960. О разработках в соответствии с традицией группы Мэйо см.: *Zalesnik A., Christensen C.R., Roethlisberger F.J.* The Motivation, Productivity and Satisfaction of Workers. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1958.

⁵⁰ До сих пор сохраняется некоторая путаница в отношении того, участвовал ли Мэйо после выхода в отставку в исследованиях, проводившихся в Англии. Она вызвана тем, что в это время дочь ученого активно участвовала в индустриальных исследованиях в Великобритании и публиковалась под именем Патриции Элтон Мэйо. Сам Мэйо выступил на нескольких конференциях и писал

возрасте 68 лет он скончался в доме престарелых в Гилфорде. Вдова Мэйо умерла в Лондоне в 1962 г.

К ОЦЕНКЕ ВКЛАДА МЭЙО

Нам еще предстоит должным образом оценить вклад Мэйо в науку. Надо признать, что его имя не забыто, но мы обязаны этому в основном яростным спорам 1950-х — начала 1960-х годов, в центре которых были природа и цели социологических исследований в промышленности. Как правило, предлагавшиеся интерпретации научной деятельности Мэйо и его влияния соответствовали доводам одной из сторон этих дискуссий, а попытки вынести суждения о человеке и его научном вкладе в целом предпринимались очень редко.

Этот очерк не претендует на что-то большее, чем представление наблюдений в отношении направлений, по которым может следовать всесторонняя оценка вклада Мэйо, и комментариев некоторых связанных с нею трудностей. «Социальные проблемы индустриальной цивилизации» — удобный исходный пункт формирования студентом собственного мнения, поскольку идеи, высказанные в этой книге, находятся ближе всего к самооценке Мэйо. В части I содержится его интерпретация важнейших проблем эпохи на фоне взглядов ученого относительно того, что могли бы предложить социальные науки для их решения. В части II автор обобщает свой опыт индустриальных исследований и предлагает некоторые предварительные выводы касательно важности социальных отношений (особенно в рамках рабочих групп) на производстве.

в *The Times*, но не принимал участия ни в одном из исследований. Эта путаница распространилась и на бывших коллег ученого по Гарварду. См.: *Homans G. Some Corrections to "The Perspectives of Elton Mayo" // Review of Economics and Statistics. 1949. Vol. 31. P. 321.*

Здесь следует предупредить читателя о трудностях, возникающих тогда, когда мы пытаемся оценить вклад Мэйо на основе его опубликованных работ. Надо сказать, что в трудах ученого далеко не всегда находят отражение его собственные предписания о «системной логике» и необходимости, чтобы социологи «начинали работу с досконального трудоемкого знакомства с предметом изучения в целом»⁵¹.

Мэйо не любил работу над рукописями, предназначенными для публикации, и, по всей видимости, прохладно относился к тяжеловесным трактатам. По отзывам коллег, он предпочитал участие в дискуссиях, прямое изложение и обмен идеями. Мэйо, несомненно, был в высшей степени убедительным лектором; к тому же большая часть его публикаций подготовлена на основе лекционных материалов⁵². Мы лишь изредка встречаем в его работах схему, разработанную в полном объеме, исчерпывающую или строго выстроенную аргументацию. Мэйо предлагает читателю множество идей, но только малую их часть можно назвать обоснованными во всех отношениях. В лучшем случае читателю предлагается совокупность результатов исследований, идиосинкразических предположений и клинически обоснованных идей, необходимых Мэйо для того, чтобы выдвинуть ряд дерзновенных утверждений. Последние сосредоточены на человеке индустриального общества и его социально-эмоциональных потребностях, в первую очередь на необходимости приспособления к ситуации на рабочем месте, постоянно изменяющейся в результате технологических сдвигов.

⁵¹ См. главу 1, раздел IV.

⁵² Пример тому *Human Problems* и *Democracy and Freedom*. Стиль Мэйо как оратора с присущим ему саркастическим юмором прекрасно просматривается в его заметках о психологии Пьера Жане. См.: Mayo E. *The Psychology of Pierre Janet*... P. 3–4, 9–10, 81–82.

Взгляды Мэйо на общество

Как уже было сказано, «Социальные проблемы индустриальной цивилизации» — лучший источник для вынесения суждения о Мэйо, если говорить о его опубликованных научных трудах. Первые две главы книги — «Обратная сторона прогресса» и «Гипотеза о толпе» — самые большие по объему тексты ученого. В них Мэйо представляет (а) анализ последствий индустриализации для жизни отдельного человека поддерживающего отношения в группе и в сообществе, (б) концепцию «социальных навыков» и фиаско социальных наук с точки зрения приобретения знаний и обоснования практики, соответствующих потребностям изменяющегося общества, и (в) нашумевшую критику недостатков классической экономической теории с точки зрения объяснения поведения промышленного рабочего.

Эти главы позволяют нам составить четкое и ясное представление о сильных и слабых сторонах Мэйо как автора научных работ в рассматриваемой нами области. Живая манера изложения, яркие обороты речи, обилие идей, свободно почерпнутых из самых разных источников. Однако во многих случаях автор задает слишком высокий темп изложения, прибегает к излишне драматизированным формулировкам, а охват источников настолько широк, что возникает желание упрекнуть его в неразборчивости. В то же время, как показывает краткий обзор, Мэйо приводит убедительные доводы в пользу своей точки зрения.

В начале главы «Обратная сторона прогресса» перед читателем предстает «неприятное лицо капитализма». Эстетические разоблачения издержек индустриализации, связанных с охраной окружающей среды, шли рука об руку с оставленными без внимания предупреждениями о ее разрушающих социальность последствиях (с которыми

выступали, например, Фредерик Ле Пле и Эмиль Дюркгейм), приведших к краху традиционных общин и социальных норм. Мэйо выделяет два основных следствия этого: (а) увеличение количества «несчастливых людей» и (б) «настороженность или враждебность», возникающие между социальными группами. Повышение материальных стандартов сопровождается «разрушением индивидуальной значимости в жизни». Как настаивает Дюркгейм, исчезают все сложившиеся социальные контексты за исключением одного — политического государства. Организация социальной жизни с необходимостью оставлена государству, но в отношении интимной повседневной жизни граждан эта задача является невыполнимой. Вследствие этого индустриальное общество объединяет «неэффективную государственную власть» и «разупорядоченные пылинки индивидов».

Далее Мэйо противопоставляет друг другу огромные усилия, приложения которых требует технический и материальный прогресс, и неспособность индустриальных обществ справиться с проблемами кооперации. Он описывает рутинные практики сотрудничества в примитивном обществе не для того, чтобы мы задумались над возвращением к ним, но указывает на их бесполезность в индустриальном обществе, характеризующемся непрерывными изменениями. К числу кооперативных систем относится и современная промышленность, но она построена на другом принципе социальной организации — на принципе *адаптивного* общества как противоположности *сложившегося* общества. Вслед за этим Мэйо выдвигает доводы о необходимости систематического изучения и приобретения «социальных навыков» в соответствии с требованиями адаптивного общества, выделяя в первую очередь требования изменения и приспособляемости. В прошлом важной формой обучения было ученичество, обучение в процессе труда, когда технические и социальные навы-

ки развивались одновременно. По мнению Мэйо, расхождение между этими навыками, возможно, является причиной увеличения количества психоневрозов в современном обществе.

В заключение главы 1 Мэйо формулирует свои взгляды на природу социальных навыков и условия их эффективного развития и использования. Изложить их в сжатом виде невозможно, но следует отметить три момента: (а) навыки основаны на наблюдении, за которым следуют логика и теория; (б) успех естественных наук обусловлен строгим следованием этому правилу; (в) в настоящее время социальные науки не располагают пригодными к использованию навыками. Мэйо приводит пример «простого социального навыка, который может быть использован на практике и который по мере его развития позволит обучающемуся достичь понимания и получить эквивалент манипулятивных способностей». Это «способность отдельного человека сообщать другим о своих чувствах и идеях, способность групп людей эффективно и близко общаться друг с другом». Далее в обоснование своего утверждения о том, что отсутствие социальных навыков является «огромным недостатком современной цивилизации», Мэйо рассматривает клинические примеры, взятые из собственного опыта. В заключение он призывает развивать такого рода навыки в социальных науках, в первую очередь в социологии и психологии.

Полное название главы 2 звучит как «Гипотеза о толпе и абсолютное государство как следствие из нее». Ее важнейшая особенность — яростная критика поведенческих посылок, принятых в классической экономической теории. Главная цель Мэйо состояла в том, чтобы продемонстрировать неадекватность этих допущений в случае, когда они рассматриваются как источник социальных навыков, в которых так остро нуждается индустриальное общество. Расхождение между экономической теорией и ре-

алиями хозяйственной практики демонстрирует несоответствие классических доктрин масштабу и технической сложности современной промышленности, а также безразличие к последствиям успеха или неудачи отдельных фирм с точки зрения благосостояния целых сообществ. Рассматривая экономическую теорию, для того чтобы показать ограниченность ее взгляда на человека и общество, Мэйо выбирает в качестве объекта критики Давида Рикардо и безжалостно «набрасывается» на него. Мэйо утверждает, что его исследования и логика «основываются на трех ограничивающих понятиях:

1. Естественное общество состоит из орды неорганизованных индивидов.
2. Каждый человек действует таким образом, который рассчитан на обеспечение самосохранения, или исходя из своих личных интересов.
3. Для достижения этих целей каждый индивид мыслит логично, насколько это возможно».

Мэйо рассматривает основания для каждого из этих предположений и приходит к выводу, что при определенных ограниченных условиях первые два остаются справедливыми. Третье предположение он находит более проблематичным; не ограничиваясь этим, он полагает его «явно вводящим в заблуждение» и приводит в подтверждение своей оценки данные хоторнского исследования в помещении для наблюдения за аппаратной разводкой.

Все это заставляет Мэйо сомневаться в возможности применения положений экономической теории к «нормальной» жизни. «Что же изучает экономика, — спрашивает он, — человеческое поведение в ненормальных ситуациях, или, наоборот, человеческое поведение в ординарных ситуациях?» (Существо вопроса заключается в определении «нормального» поведения. Является ли оно «логичным», в соответствии с постулатами экономики, или «нелогичным», согласно постулатам социологии?)

Отсюда Мэйо делает вывод, что гипотеза о толпе (то есть представление, согласно которому человечество представляет собой сборище неорганизованных людей, движимых корыстью) является слишком узкой и патологической, и не может использоваться как основа «индустриальных исследований».

Остальная часть главы посвящена демонстрации связи между гипотезой о толпе и «убежденностью в необходимости Левиафана, могущественного государства, которое посредством своей уникальной власти, основанной на авторитете, должно навести и поддерживать порядок в толпе людей». Рассматривая теории власти, основанной на авторитете, Мэйо противопоставляет взгляды сторонников гипотезы толпы и воззрения таких авторов, как Джон Невил Фиггис и Честер Барнард, которые описывают непосредственный опыт «мира определенных занятий». Мэйо характеризует представителей этого мира как «страшно далеких» от толпы «ученых, писателей, юристов [...] студентов, изучающих право, управление, философию. Очень немногие из них, если таковые вообще имеются, взяли на себя ответственность за жизнь, труд и благополучие своих братьев-людей». Обсуждая власть, основанную на авторитете, Барнард подчеркивает ее жизненно важную зависимость от кооперации с другими людьми; в свою очередь, «социальное понимание и социальные навыки в равной степени связаны и с техническими знаниями, и со способностями». В реальной жизни власть, основанная на авторитете, зависит от кооперации, но следствием доминирования гипотезы о толпе становится повышенное внимание к установлению порядка. Следовательно, возникает возможность диктаторского правления.

После критического обсуждения теории Джереми Дженкса о развитии государства Мэйо переходит к подведению итогов. Не отрицая необходимости государства, он негативно оценивает гипотезу толпы и «полити-

ку, постулирующую “сообщество отдельных людей”, которое управляется суверенным государством» поскольку они «препятствуют и отбивают желание проводить какие бы то ни было исследования фактов социальной организации». Мэйо заключает: «Различных форм демократии недостаточно; на костях этого “скелета” должны нарасти “мышцы” социальных навыков и понимания».

Некоторые взгляды Мэйо

Основной критический аргумент в адрес Мэйо заключается в том, что предлагаемое им решение проблемы индустриальной цивилизации — всемерное развитие кооперации — не является значимым в силу своей узости и открытости для самых разных интерпретаций. Конечно, краткое изложение результатов индустриальных исследований, предлагаемое Мэйо в конце главы 5, только навевает скуку. Впрочем, мы можем возразить, что в наши дни никто и не пытается отрицать необходимость учитывать реальность производственных групп; всеобщее признание получили ограниченность традиционных процедур отбора и тестов на пригодность в отношении требований на рабочем месте; наконец, управленческое, профессиональное и, если на то пошло, профсоюзное образование основываются на допущении, в соответствии с которым основным требованием к нему является непосредственное изучение индустриальных ситуаций. В этом отношении в наши дни для социологов, менеджеров и профсоюзных деятелей научные результаты и предварительные выводы Мэйо превратились в самые обычные понятия.

Как бы то ни было, туманный, в некоторых случаях небрежный стиль изложения Мэйо дает его противникам множество поводов для критики; они никогда не упустят возможности указать на встречающиеся в работах ученого двусмысленности, упущения и неявные пред-

положения. Резкий и прямой подход Мэйо основывался на его убеждении, что социальные науки находятся на примитивной стадии развития и им остается только «вести бесконечные разговоры о будто бы существующих социальных проблемах»⁵³. Кроме того, их представители испытывали недостаток базовых интуитивных навыков, основанных на «непосредственном опыте восприятия факта или ситуации», который студенты, изучающие естественные науки, приобретали посредством использования лабораторного метода.

И наоборот, по мнению Мэйо, «эрудиция» в отличие от интуитивных навыков «передается очень легко»; по-видимому, этим объясняется тот факт, что ученый удивительно небрежно относился к своим собственным интеллектуальным предположениям, особенно к тем, которые касались природы общества и политического процесса. Наиболее полно допущения относительно последнего изложены в первой книге Мэйо «Демократия и свобода», непосредственно отражающей его начальный опыт как теоретика и его интерес к политическому поведению. Анализ проблем демократического правления свидетельствует о хорошем знакомстве ученого с широким кругом релевантных источников, включая труды Грэма Уоллеса, Джорджа Коула, Сиднея и Беатрисы Уэбб, а также М.Я. Острогорского. Мэйо приходит к выводу, что современное общество недооценивает существующие социальные формы и придает непропорционально большое значение государству как воплощению власти, основанной на авторитете, и средствам достижения социального единства.

Мы с вами хорошо понимаем, что Мэйо скептически относится к способности государства содействовать высоко ценимой исследователем «спонтанной кооперации» или добиваться ослабления конфликтов, в первую очередь

⁵³ Глава 1, раздел IV.

классовых конфликтов, которые, как считает ученый, активно поощряются партийной политикой⁵⁴. Наиболее радикальные критики Мэйо видели в его подозрениях по отношению к политикам и скептицизме по поводу способности формальных процедур разрешать конфликты свидетельство полного неверия в политику и государство. Дополнив эти «грехи» ученого его воззрениями на присущий традиционным обществам социальный порядок, критики пришли к выводу, что Мэйо отдавал предпочтение средневековой социальной организации, или, в лучшем случае, доиндустриальной Америке, где слова «община», «сообщество» все еще оставались наполненными смыслом. Отсюда следовало, что Мэйо предлагал для лечения болячек индустриального общества всего лишь «сделать возможным воссоздание в XX в. в мире небоскребов и метро, мире дыма и пара аграрных добродетелей, аграрной лояльности и аграрного чувства общности»⁵⁵.

Действительно ли Мэйо имел это в виду? Его вольная, в некоторых случаях высокомерная манера выражения идей (в сочетании со склонностью в процессе обсуждения переключаться с юстиниановской Византии на компанию *Bell Telephone* Честера Барнарда) делает Мэйо более легкой мишенью, чем он того заслуживает. Надо признать, что в системе доводов Мэйо имеются пробелы, что он однозначно консервативен в отношении сильных сторон традиционных жизненных сообществ, что он бегло рассматривает профсоюзы и коллективные переговоры и не признает конструктивную роль конфликта, а также, что он в общем случае расплывчато формулирует свое понимание кооперации, совместной деятельности людей или

⁵⁴ Mayo E. *Democracy and Freedom...* P. 42–44. Анализ Мэйо основывается на политическом опыте Австралии; ученый рассматривал его как крайний случай распространения трудовых споров в промышленности на политические вопросы.

⁵⁵ Baritz L. *The Servants of Power...* P. 111–112.

процесса того, как «активное развитие социальных навыков и понимания» оживит «скелет» демократии⁵⁶.

Напротив, при внимательном прочтении этой книги большинство читателей придет к выводу, что Мэйо — куда более пронизательный автор, чем предполагают его критики. К тому же он заранее предугадывал некоторые из уже привычных возражений в свой адрес. Например, по вопросу о предпочтительности средневекового общественного строя или кооперации, присущей традиционным обществам, Мэйо может ответить (комментируя воззрения Ф. Ле Пле и Э. Дюркгейма):

Естественно, что авторы этих более ранних исследований с грустью оглядываются на жизнь более простых обществ; как правило, они неизбежно приходят к заключению, что единственная возможность восстановления спонтанности кооперации заключается в восстановлении традиционного. Нельзя в наши дни встать на этот путь и идти по нему, невозможно взять и просто возвратиться к простоте⁵⁷.

Еще одна проблема Мэйо как автора заключается в том, что он излишне краток и нетерпелив, чтобы следовать избранной линии аргументации, особенно в тех случаях, когда речь заходит об альтернативных выводах. Кроме того, как опытному оратору, ему нравились меткие фразы, живые утверждения и запоминающиеся высказывания. Каждая из этих характеристик ставит автора под «огонь» критиков. Например, в «Социальных проблемах», чтобы подчеркнуть общее положение о дезинтеграции традиционных социальных форм в индустриальном обществе, он заимствует у Дюркгейма понятие «аномии» (отсутствие

⁵⁶ Глава 2, раздел IV.

⁵⁷ Глава 1, раздел I. Или о положении промышленного рабочего: «Мы не можем использовать такие “лекарства”, как возвращение к ремесленному ученичеству или примитивному хозяйству».

норм или крушение норм). Мэйо вкратце излагает эту идею таким образом, что у читателя возникает впечатление о прекрасном знакомстве автора с анализом Дюркгейма. Однако Мэйо полностью игнорирует давний интерес последнего к возможности того, что современные «корпорации» (профессиональные организации, в состав которых входят работодатели и наемные работники) — это и есть социальные группы, способные ускорить и усилить социальную интеграцию отдельных людей. Это соответствовало бы точке зрения Керра на «всеохватную корпорацию Элтона Мэйо», но сам Мэйо ничем не выдает, что он принял к сведению вывод Дюркгейма. Опять же, он часто ссылается на необходимость воспитания первоклассных административных талантов, но никак не объясняет, что он понимает под «администратором», и нигде не рассматривает характер зависимости предприятий от этих талантов. В «Социальных проблемах» понятие «элиты» исчезает, а идеи Парето не упоминаются ни разу. В то же время критики Мэйо приписывают ему всесторонне обоснованные взгляды как на аномию, так и на элиты⁵⁸.

Пристрастие Мэйо к ярким фразам и привлекающим внимание заявлениям иллюстрирует его известная (или

⁵⁸ У Мэйо было два «основных интеллектуальных предшественника: Парето, уделявший самое пристальное внимание нелогичным действиям и роли элиты, и Дюркгейм, в центре внимания которого находилась аномия индустриального общества». *Kerr C., Fisher L.H. Plant Sociology: The Elite and the Aborigines // Common Frontiers of the Social Sciences / M. Komarovsky (ed.). Chicago: Free Press, 1957. P. 287.* Некоторые авторы подчеркивают ограниченный масштаб критики. «Всего несколько критиков Мэйо указывают на его полное принятие и расширение проэлитарной ориентации Парето, той ориентации, которая создала возможности для использования его идей Муссолини и другими». *Vincent M.J., Mayers J. New Foundations for Industrial Sociology. Princeton: Van Nostrand, 1959. P. 241.*

печально известная) сентенция: «Если бы наши социальные навыки развивались постепенно и шли в ногу с нашими техническими навыками, не было бы и еще одной европейской войны»⁵⁹. Помимо того, что это суждение не поддается проверке, оно порождает ожидания, которые не способна удовлетворить программа Мэйо (или любые ее возможные улучшения). Одновременно экстравагантная формулировка бросает тень на тот факт, что концепция «социальных навыков» Мэйо является более глубокой и содержательной, чем любое патентованное «лекарство», прописываемое в области «коммуникаций»; введенное Мэйо понятие основано на его опыте клинических наблюдений и практики и представляет собой важное руководство к взглядам ученого на возможности (и ограничения) социальных наук⁶⁰.

Мы могли бы привести и другие примеры, но этот ряд легко дополнит сам читатель. Не стоит тратить время на попытки предугадать, какие книги могли бы выйти из-под пера Мэйо, если бы он был более внимателен к делу социологической науки, а значит, его труды неизбежно были бы более осторожными, заумными и многословными. В результате некоторые из его критиков создали вокруг работ Мэйо ореол чего-то большего, чем социологическая публикация, превратили ее в более чем догму, не имея для этого реальных оснований. Не поддавайтесь искушению отнести к этой книге как к социологической «Тайне Эдвина Друдра» или Симфонии № 8 («Неоконченной») Франца Шуберта, домысливая собственные выводы, которые сейчас могут быть восприняты как более уместные. В любом случае по прошествии четверти века отли-

⁵⁹ Глава 1, раздел VI.

⁶⁰ Глава 1, разделы IV–VI. Mayo E. The Psychology of Pierre Janet... P. 3–23. О развитии этой точки зрения см.: Smith J.H. Elton Mayo Revisited // British Journal of Industrial Relations. 1974. July. Vol. XII. No. 2. P. 282–291.

чительные черты и социологические двусмысленности Мэйо все еще привлекают к нему внимание. В конце концов, немногие социологи «выдают на горá» труды, написанные с такой прямоотой и самоуверенностью; еще меньше представителей социальных наук публикуют книги, объем которых никогда не превышает 150 страниц.

ЗНАЧЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ МЭЙО

Рассмотрение вклада Мэйо в науку должно начинаться с признания того факта, что общие положения, представленные в «Социальных проблемах», оказали заметное влияние на современные социальные науки. Мэйо особо подчеркивает их неудачи (а) в изучении социальных аспектов индустриализации и (б) в развитии социальных навыков, соответствующих техническим навыкам быстро меняющегося общества, привлекая внимание к возможному вкладу социологии в изучение промышленности и в индустриальный менеджмент. Согласно широко распространенному мнению, желательность развития в этом направлении демонстрирует постепенный переход ученого от психолого-физиологического подхода к более широкой социологической перспективе. Дополнительным подтверждением тому служит его последующая критика недостатков экономической теории как основы для объяснения человеческого поведения в промышленности. Поэтому прежде всего следует обратить внимание на то, что на основе работ Мэйо (главным образом) были выдвинуты аргументы в пользу социологических исследований индустриального поведения. Кроме того, открылась возможность введения социологии в учебные курсы школ бизнеса и обучения менеджменту в целом.

Другим важным моментом деятельности ученого является его руководство «группой Мэйо» в Гарварде и поощрение выделяющейся среди других исследовательской

группы, результаты которой раздвинули границы научных изысканий в целом ряде направлений. Помощь и одобрение со стороны Мэйо имели большое значение в 1930-е годы и в годы войны. Благотворное влияние ученого-лидера на учеников и коллег ощущалось и после его смерти.

Идеи Мэйо и его репутация оказали заметное влияние на других социологов, изучающих различные аспекты индустрии. Это довольно сложная тема, но мы можем сделать несколько замечаний. То, чему уделял повышенное внимание Мэйо, и то, что игнорировал ученый, в конце 1940-х — 1950-х годах стало отправной точкой научных изысканий растущего числа «индустриальных социологов». Многие из них стремились восполнить невнимание Мэйо к профсоюзам, указывая на возможность этих объединений удовлетворить потребность рабочего в принадлежности; к тому же влияние этого конфликта может рассматриваться и как положительное, и как отрицательное. Аналогичным образом предполагаемая близорукость Мэйо в отношении того, что происходит за заводской проходной, возбудила чувства социологов, которые хотели бы показать воздействие таких социально-структурных факторов, как класс, на ориентацию и поведение рабочих на производстве, а также продемонстрировать, что социология как академическая дисциплина имеет дело со значительно более широким кругом явлений, чем команды (бригады) рабочих и обучение линейных менеджеров. Другая точка зрения (возможно, уже устаревшая в свете «приверженности» и «кризисной социологии») побуждает своих сторонников к отказу признавать Мэйо социологом на том основании, что его симпатии были слишком очевидными. Читатель, который ознакомится с примечаниями к моему очерку, убедится, что на эту отдельную мельницу было вылито много воды. Интересно, подумает он, как индустриальные социологи 1950-х годов успевали не только критиковать Мэйо, но и делать что-то еще?

На протяжении десяти или около того лет после смерти Мэйо влияние его идей было не менее выраженным, чем на пике карьеры ученого в Гарварде. Более того, оно только усилилось. Но это влияние едва ли не полностью следует рассматривать в негативном ключе, поскольку в то время основное внимание было приковано к исследованию областей, «позабывших» Мэйо. Если научные интересы Мэйо были сосредоточены на групповом поведении и источниках кооперации, то в дальнейшем социологи перешли к изучению таких вопросов, как влияние формальной организации на поведение, социально-структурные источники трудовых конфликтов, воздействие экономических стимулов, ограничения на формирование групп и «командную работу», налагаемые технологией и другими факторами. Это дает основания для заявлений об окончании эпохи Мэйо.

И все же имя Элтона Мэйо остается на слуху — или, если вам так хочется, его «скелет» еще гремит костями. Да, многие воспринимают его архетипическим «менеджерским социологом», но вряд ли это является достаточным основанием для ссылок на Мэйо. Сегодня многие социологи и социальные психологи активно участвуют в деятельности промышленных предприятий, и значительная их часть может быть однозначно классифицирована как «менеджерская», тем более, что в работах этих исследователей содержатся убедительные примеры игры на стороне менеджмента.

Упомянем еще об одной любопытной детали. В наши дни и в политике, и в методах социальных наук идеи Мэйо находятся в авангарде моды, пользуются большей известностью, чем в годы сразу после его смерти. В самом деле, его скептицизм в отношении мотивов политических деятелей, его защита децентрализации в принятии решений, его убежденность в том, что необходимость в консультациях и кооперации превалирует над механикой

институций, и его пессимизм в отношении перспектив подлинной демократии во все более централизованном государстве остаются актуальными и через 25 лет после смерти ученого. Так же и в поле социологического метода его внимание сосредоточено на необходимости изучения, использования техники интервью, понимания ситуации с точки зрения другого человека; между тем его отношение к вопросу о социальной ответственности исследователя и необходимости создания структур знания, основанных на непосредственном наблюдении, гарантировали бы Мэйо приглашение на любую из модных в наши дни конференций, посвященных «новым направлениям» в социологии.

Впрочем, нельзя сказать, что в наши дни произошло новое открытие идей Мэйо, за исключением, может быть мягкой его формы, когда ученого называют гуру «партиципаторной демократии»⁶¹. Объясняется это очень просто. Без старого знакомого Мэйо индустриальная социология лишилась бы своего самого надежного ориентира. Развивающаяся область исследований нуждается в основателе, ошибки которого могут быть подвергнуты анализу его последователями и официально ими отвергнуты. Возможно, отречься от Мэйо было бы не так легко, если бы он был многоречивым или с трудом понимаемым автором, но это не так. Очень просто выявить его ошибки, предубеждения и упущения, но не менее легко распознать способности Мэйо к обобщениям, его внимание к условиям жизни людей и его талант к наглядным иллюстрациям. Мы имеем в виду тех, кто даст себе труд прочитать то, что хотел сказать автор. Читатель этой книги обнаружит в ней много нового, полезного и представляющего неподдельный интеллектуальный интерес.

⁶¹ *Blumberg P. Industrial Democracy: The Sociology of Participation. London: Constable, 1968.*

ЗАМЕЧАНИЯ О ПЕЧАТНЫХ ТРУДАХ МЭЙО

Первая значимая публикация Мэйо — «Демократия и свобода»⁶². Ее следует читать «в паре» с выступлением Мэйо на симпозиуме, организованном Мередитом Аткинсоном в Австралии и состоявшемся по окончании Первой мировой войны⁶³. В этих работах наиболее последовательно и развернуто излагаются взгляды Мэйо на государство и природу политики в индустриальном обществе. Впоследствии сам Мэйо редко ссылался на «Демократию и свободу», хотя основные ее положения образуют базис общей аргументации «Социальных проблем», опубликованных почти тридцать лет спустя. Таким образом вторая работа по праву считается последним комментарием Мэйо к темам, затронутым в «Демократии и свободе».

К другой категории относятся две более поздние книги Мэйо — «Человеческие проблемы»⁶⁴ и его заметки об исследованиях психолога Пьера Жане⁶⁵. В «Человеческих проблемах», впервые представленных как «Лоуэлловские лекции в Гарварде», Мэйо излагает свою точку зрения на ограничения традиционных исследований человеческого поведения в промышленности и обосновывает усиливающийся интерес к социологической перспективе. В книге содержится наиболее полное описание соответствующих исследований, в том числе некоторых хоторнских экспериментов. Она, вероятно, лучше всего отражает такое качество Мэйо, как способность к популяризации науки. Книга ученого о Жане относится к числу малоизвест-

⁶² Mayo E. *Democracy and Freedom*. Melbourne: Macmillan, 1919.

⁶³ Mayo E. *The Australian Political Consciousness* // *Australia: Economic and Political Studies* / M. Atkinson (ed.). Melbourne: Macmillan & Co., 1920. P. 142–144.

⁶⁴ Mayo E. *The Human Problems of an Industrial Civilization*. New York: Macmillan, 1933.

⁶⁵ Mayo E. *The Psychology of Pierre Janet*. London: Routledge & Kegan Paul, 1951.

ных, так как это посмертная публикация, и в то время известность Мэйо начала уменьшаться. В работе содержится множество примеров из психотерапевтической практики самого Мэйо, а также некоторые отрывочные автобиографические материалы. Пожалуй, в этой книге наиболее полно представлены размышления Мэйо о вопросах метода. Приложение «Испуганные люди» (впервые опубликовано в периодическом издании *Harvard Medical Alumni Bulletin* в январе 1939 г.) считается одним из первых очерков, посвященных болезненному поведению.

Остальные печатные труды Мэйо могут быть отнесены к двум основным группам, каждая из которых подразделяется на (а) научную литературу: основную и второстепенную; (б) популярную литературу: основную и второстепенную. Пока мы не можем представить эту подробную классификацию в силу отсутствия полного списка публикаций Мэйо. Нам остается дожидаться окончания австралийских изысканий доктора Ричарда Трэхэйра, который занимается составлением этого перечня.

Важнейшие научные труды Мэйо основываются на результатах его эмпирической деятельности после переезда в США. Его первой академической публикацией стало изложение результатов исследования утомления рабочих на филаделфийской текстильной фабрике⁶⁶. Первые ссылки на хоторнские исследования, по-видимому, были сделаны Мэйо в статье «Надзор и мораль», увидевшей свет как в Великобритании, так и в США⁶⁷.

⁶⁶ Mayo E. Reverie and Industrial Fatigue // *Personnel Journal*. 1924. December. Vol. III. No. 8. P. 273–281. Мэйо использовал данные об этом исследовании и для своей первой академической статьи, опубликованной в Великобритании: Mayo E. Day Dreaming and Output in a Spinning Mill // *Journal of the National Institute of Industrial Psychology*. 1925. P. 203–209.

⁶⁷ Опубликована в *Personnel Journal* (1930) и в *Journal of the N.I.I.P.* (1931).

Мэйо опубликовал множество коротких заметок о хоторнских исследованиях, а также рассказал о них в выступлении (по крайней мере, в одном) на радио в рамках цикла образовательных передач⁶⁸. Некоторые из этих выступлений повторяются и представляют интерес главным образом как указание на спрос на услуги ученого как оратора. Важным исключением является совместная публикация с Хендерсоном, подготовленная на основе выступления Мэйо на симпозиуме «Окружающая среда и ее влияние на человека» на праздновании в 1936 г. трехсотлетия Гарварда⁶⁹. Данная статья представляет интерес по двум причинам. Во-первых, это конкретный пример научного сотрудничества двух ученых. Во-вторых, ее заключительный раздел показывает влияние мышления Хендерсона на способ привлечения внимания читателей к реальности «спонтанной социальной системы» в понимании поведения рабочих на производстве. Полный список печатных работ ученого готовит в Австралии доктор Ричард Трэхэйр.

Во время войны Мэйо опубликовал под своим именем единственную важную работу. Имеется в виду отчет об исследовании поведения рабочих авиационных заводов на тему «Командная работа и текучесть рабочей силы», проведенном совместно с Джорджем Ломбардом⁷⁰. Авторы уделили пристальное внимание надзору на производстве, что должно было оказать заметное влияние на последующие исследования. В этой монографии Мэйо и Ломбард в

⁶⁸ *Mayo E.* The Problem of Working Together / Psychology Series Lecture No. 27 (for National Broadcasting Company). University of Chicago Press, 1932.

⁶⁹ *Henderson L. J., Mayo E.* The Effects of Social Environment // *Journal of Industrial Hygiene and Toxicology*. 1936. Vol. 18. P. 401–416.

⁷⁰ *Mayo E., Lombard G.* Teamwork and Labour Turnover in the Aircraft Industry of Southern California. Harvard Business School. Division of Research. Business Research Studies. 1944. No. 32.

какой-то степени предвосхищают необходимость классификации производственных групп с точки зрения размера и структуры (этот вопрос нуждается в дальнейшем эмпирическом изучении).

В этом очерке уже упоминались популярные статьи Мэйо, публиковавшиеся в *Harper's Magazine*⁷¹. После отъезда из Эдинбурга он некоторое время подвизался на ниве журналистики в Лондоне и опубликовал несколько статей в различных изданиях, в том числе одну из них в *Pall Mall Gazette*. После возвращения в Австралию Мэйо всерьез взялся за перо и попробовал себя в художественной литературе. Полный список всех публикаций Мэйо составляет доктор Р. Трэхэйр из Университета Ла Троба (Мельбурн).

ЗАМЕЧАНИЯ О КРИТИКАХ МЭЙО (И НЕКОТОРЫХ ЕГО СИМПАТИЗАНТАХ)

В число критиков Мэйо входили некоторые из наиболее выдающихся послевоенных исследователей индустриального общества, такие как Кларк Керр, Рейнхард Бендикс, Ральф Дарендорф и Чарльз Райт Миллс. Как упоминалось выше, они выдвигали довольно весомые обвинения, но могли бы уделять большее внимание собственным трудам Мэйо. Во многих случаях критики склонны представлять Мэйо рупором интересов менеджмента (противостоящего рабочим), что не подтверждается документальными свидетельствами. Кроме того, некоторые авторы приписывают Мэйо доводы и воззрения, в гораздо большей степени свойственные его коллегам и последователям, а не самому ученому. Прежде всего, критики описывают взгляды Мэйо как идеологизированные и последовательные, к чему он никогда не стремился и чему нет никаких подтверждений в его работах.

⁷¹ Например, см.: Mayo E. Should Marriage be Monotonous? // Harper's Magazine. 1925. September.

К сожалению, большая часть этой критики основывается на известной статье Бендикса и Фишера⁷². В ней содержится первый серьезный критический обзор воззрений Мэйо; странным образом публикация данной статьи в Гарварде совпала по времени со смертью ученого в Англии. Как показывают Бендикс и Фишер, они хорошо знакомы с творчеством Мэйо в целом и высоко оценивают значение его идей, представленных в «Демократии и свободе». В статье содержится несколько незначительных фактических ошибок и некоторые неправильные интерпретации, но она остается самой убедительной в своем роде и привлекает внимание серьезных исследователей и в наши дни, как и другая, более поздняя обширная работа Бендикса, в которой автор дает оценку влияния Мэйо⁷³. К рассматриваемой нами категории можно отнести статью Кларка Керра в журнале *Fortune*⁷⁴ и его более общую критику школы человеческих отношений в (соавторстве с Фишером), а также статью Гарольда Виленского, вошедшую в сборник под редакцией Конрада Аренсберга, посвященный исследованиям человеческих отношений⁷⁵.

В число других важных публикаций с критикой Мэйо, опубликованных в конце 1940-х — 1950-х годах, входят часто цитируемая статья Гарольда Шеппарда, две статьи Уилберта Мура с характерными для автора решительными суждениями и по крайней мере один полноценный обзор Чарльза Райта Миллса⁷⁶. Все эти работы имеют важ-

⁷² Bendix R., Fisher L.H. The Perspectives of Elton Mayo // Review of Economics and Statistics. 1949. Vol. 31. P. 313–321.

⁷³ Bendix R. Work and Authority in Industry. New York: John Wiley & Sons, 1956. Ch. 5.

⁷⁴ Clark K. Whatever Became of the Independent Spirit? // Fortune. 1953. July. Vol. 48. P. 110–111 et seq.

⁷⁵ Research on Industrial Human Relations — A Critical Appraisal / C. Arensberg (ed.). New York: Harper, 1957.

⁷⁶ Sheppard H.L. The Social & Historical Philosophy of Elton Mayo // Antioch Review. 1950. Vol. 10. P. 396–406; Moore W.E. Current Issues in

ное значение для понимания контекста, в котором нашли признание или натолкнулись на неприятие идеи Мэйо. Более полное «руководство», включающее перечень основных обзоров трудов Мэйо, а также работы Ротлисбергера и Диксона «Менеджмент и рабочий», содержится в книге Генри Ландсбергера⁷⁷. По прошествии более чем пятнадцати лет эта монография остается самой полезной отправной точкой для каждого, кого заинтересовал характер полемики вокруг хоторнских исследований и вклада в них Мэйо.

Впоследствии произошло ослабление критического внимания к идеям Мэйо, сопровождавшееся снижением репутации ученого. Однако Дарендорф, автор влиятельной работы «Класс и классовый конфликт в индустриальном обществе», предлагает в одном из разделов более реалистичную, чем это было принято, оценку идей Мэйо с точки зрения социологической теории⁷⁸.

Влияние Мэйо на развитие управленческой мысли в Великобритании оценивает в своей важной работе Джон Чайлд⁷⁹. Однако автор ничего не может сказать читателям о контактах Мэйо в Великобритании в 1930-е годы (предмет, заслуживающий дальнейшего исследования). К тому же Чайлд придает слишком большое значение «мэйоизму» как догме и преувеличивает его влияние на развитие индустриальных социологических исследова-

Industrial Sociology // American Sociological Review. 1947. Vol. 12. P. 651–657; Moore W.E. Industrial Sociology — Status and Prospects // American Sociological Review. 1948. Vol. 13. P. 382–400; Wright Mills C. The Contributions of Sociology to Studies of Industrial Relations // Proceedings, Industrial Relations Research Association. 1948. Vol. 1. P. 199–222.

⁷⁷ Landsberger H.A. Hawthorne Revisited. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1958.

⁷⁸ Dahrendorf R. Class and Class Conflict in Industrial Society. Stanford University Press, 1959. P. 109–114.

⁷⁹ Child J. British Management Thought. London: Allen & Unwin, 1969.

ние и на управленческое образование в конце 1940-х — 1950-х годах⁸⁰. Тем не менее работа Чайлда весьма полезна всем, кто серьезно изучает влияние Мэйо в Великобритании.

В последнее время, если не считать этих двух исследований, и полемической, но не очень хорошо продуманной атаки Баритца⁸¹, ни личность Мэйо, ни его идеи не вызывают заметного интереса. В центре критической атаки оказались хоторнские исследования сами по себе, поскольку была предпринята попытка оспорить их результаты, прежде не вызывавшие сомнений (см. статьи Кэри, Сайкса и других ученых о достоверности выводов, сделанных по результатам экспериментов в помещении для аппаратной разводки)⁸². Возрождению славы Мэйо, как сторонника консенсуса в противоположность конфликту, в какой-то степени способствовало развитие теории организации, в частности применение «системного» похода и концепции равновесия в организационном поведении⁸³.

Не стоит думать, что все авторы публикаций, посвященных Мэйо, были враждебно к нему настроены. В стандартных учебниках по индустриальной социологии и ин-

⁸⁰ См.: *Smith J.H.* The University Teaching of the Social Sciences — Industrial Sociology. Paris: UNESCO, 1961. См. также дебаты между Алленом и Смитом о преподавании менеджмента: *Allen V.L., Smith J.H.* Management and the Universities // *Listener*. 1961. July 13; July 20; *Bechhofer F.* Why Not Industrial Studies? // *New Society*. 1964. April 2.

⁸¹ *Baritz L.* The Servants of Power. Middeltown, Conn.: Wesleyan University Press, 1960.

⁸² *Carey A.* The Hawthorne Studies: A Radical Criticism // *American Sociological Review*. 1967. Vol. 32. No. 3. P. 403–416; *Sykes A.J.M.* Economic Interest and the Hawthorne Researches // *Human Relations*. 1965. August. Vol. 18. No. 3. P. 253–265.

⁸³ См., например: *Krupp S.* Pattern in Organization Analysis. New York: Holt, Rinehart & Winston, 1961; *Silverman D.* The Theory of Organization. London: Heinemann, 1970. Несколько иную точку зрения см. у Криса Арджириса: *Argyris C.* The Applicability of Organizational Sociology. Cambridge University Press, 1972.

дустриальной социальной психологии он оценивается как ученый, сыгравший важную роль в развитии исследований и практики, пусть и в недалеком прошлом. Под влиянием происходящего в наши дни возрождения интереса к участию простых людей в политической и индустриальной сфере появилась как минимум одна серьезная работа, автор которой Пол Блумберг считает вклад Мэйо достойным внимательного изучения⁸⁴. Вскоре, вероятно, появятся и другие заслуживающие упоминания примеры.

Наконец, имеется довольно значительный корпус добродетельных публикаций исследователей, которым довелось работать вместе с Мэйо и которые признают, что они находятся в интеллектуальном долгу перед ним, а также обязаны ученому в других отношениях. В число этих исследователей входят Ротлисбергер, Хоманс, Уайт; их анализ вклада Мэйо в науку представляет собой нечто большее, чем пиетет⁸⁵.

Размышляя над обстоятельствами возникновения парадоксальной ситуации, связанной с именем Мэйо, когда суровая критика сочетается с часто высказываемой данью уважения, мы приходим к выводу, что наиболее правдо-

⁸⁴ *Blumberg P. Industrial Democracy: The Sociology of Participation. London: Constable, 1968.*

⁸⁵ Первым среди равных следует назвать Хоманса, ответившего на статью Бендикса и Фишера. См.: *Homans G.C. Some Corrections to the Perspectives of Elton Mayo // Review of Economics and Statistics. 1949. Vol. 31. P. 319–321.* Хоманс никогда не упускал возможность воздать должное влиянию идей Мэйо на его исследования. Несколько мемуаров о Мэйо оставил Фриц Ротлисбергер. См.: *Roethlisberger F. Man-in-Organization. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1968 (особенно р. 227–240);* а также его совместную работу с У. Диксоном: *Dickson W.J., Roethlisberger F.J. Counselling in an Organization. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1966.* Подобно Хомансу, о своей бесконечной благодарности Мэйо писал Уильям Фут Уайт; см.: *Whyte W.F. Street Corner Society. University of Chicago Press, 1943; Whyte W.F. Organizational Behaviour: Theory and Application. Illinois: Richard D. Irwin and the Dorsey Press, 1969.*

подобной причиной уязвимости его наследия перед смертными нападками была относительная ограниченность его контактов с другими учеными. Фактором, который способствовал одиночеству, был перерыв в научной деятельности Мэйо, когда он навсегда покинул Австралию. К тому времени он добился немалых успехов в академической жизни Зеленого континента, но его влияние ограничивалось кругом учеников и сильно сдерживалось отсутствием интереса к социальным наукам в собственной стране. Если не считать благородных некрологов, вроде опубликованного Уильямом Кайлом⁸⁶, в научных публикациях, увидевших свет после отъезда Мэйо из Австралии, ссылки на его труды и упоминания идей ученого встречаются очень редко.

Ограниченность контактов осталась важной чертой жизни Мэйо в Гарварде после переезда в США. Его влияние на социологов сдерживалось и принадлежностью к лагерю Хендерсона, что не могло не сказаться на отношении к Мэйо других ученых. Как бы то ни было, интеллектуальные интересы Мэйо были слишком широки, чтобы считать его членом какой-либо конкретной группы: он часто давал понять, что ему не по душе «пасть вместе со стадом». Чего недостает в собственных трудах Мэйо, а также в публикациях с упоминанием имени ученого — как благожелательных, так и критических, — так это впечатлений о его личности и стиле. Прежде чем мы сможем всесторонне оценить научную деятельность и несомненное влияние Элтона Мэйо, нам необходимо будет ответить на поставленные выше вопросы.

Дж.Г. Смит,
профессор социологии Саутгемптонского университета

⁸⁶ *Kyle W.M.* Obituary note in the University of Queensland Gazette. Brisbane, 1949. December. No. 15.